

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.10.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.12.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-11-708-714

НИКУЛИН Виктор Васильевич,
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»,
e-mail: viktor.nikulin@mai.ru

МЕЛЬНИК Андрей Андреевич,
аспирант, ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный технический университет»,
кафедра «Теория и история государства и права»,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель :
ПУГИНА Ольга Андреевна,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: Mj_47@mail.ru

ДОЛЖНОСТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. СОСТОЯНИЕ. ТЕНДЕНЦИИ(1921–1930 ГГ.)

Аннотация. Рассматриваются законодательные и практические проблемы противодействия государства должностной преступности. Должностная преступность рассматривается как существенный элемент теневой экономики периода нэпа, наносившая существенный материальный ущерб государству. Основное внимание уделено анализу норм Уголовного кодекса о должностных преступлениях, характеристике наиболее распространенным в период нэпа видах должностных преступлений и мерах государственного противодействия. Делается вывод о низкой эффективности в 1920-е гг. государственных мер противодействия должностным преступлениям. Только с ликвидацией экономической модели нэпа и переходом к плановой экономике государству удалось в основном взять под контроль криминогенную обстановку в данной сфере.

Ключевые слова: нэп, должностные преступления, растрата, взятка, злоупотребление служебным положением, судебная репрессия.

NIKULIN Viktor Vasil'evich,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Tambov State Technical University
MELNIK Andrey Andreevich,
Postgraduate Student, Tambov State Technical University,
Department of Theory and History of State and Law

Scientific supervisor:
PUGINA Olga Andreevna,
PhD in Law, Associate Professor

OFFICIAL CRIME IN THE NEW ECONOMIC POLICY PERIOD. LEGISLATION. STATUS. TRENDS (1921–1930)

Annotation. This article examines the legislative and practical aspects of state measures to combat official crime. Official crime is viewed as a significant element of the shadow economy during the NEP period, causing significant damage to the state. The article focuses on the most common

types of official crime during the NEP period: concluding contracts unfavorable to the state, embezzlement, and bribery. It concludes that state measures to combat official crime in the 1920s were ineffective. Only with the abolition of the NEP economic model and the transition to a planned economy did the state manage to largely bring the crime situation in this area under control.

Key words: NEP, official crimes, embezzlement, bribery, abuse of office, judicial repression.

Введение

С переходом к новой экономической политике произошел резкий рост теневой экономики, что можно рассматривать как неизбежное явление при переходе к рыночной модели развития. Нет и не было такой страны, которая бы не сталкивалась с этим явлением особенно в период резких экономических изменений. Так, рост теневой экономики наблюдалось в массовом масштабе в 1990-е гг., когда Россия переходила от плановой к рыночной модели экономического развития. То же самое произошло в советской России при переходе от военного коммунизма к новой экономической политике. Уже само по себе возрождение к жизни социальной группы частных предпринимателей, с их чрезвычайной экономической активностью и неумолимой жаждой прибыли, в условиях несовершенного и до крайности бюрократического советского госаппарата, слабости самой нэповской хозяйственной модели, неизбежно порождали массовый рост теневых секторов экономики. Теневая экономика в период нэпа варьировалась в широких пределах, от коррупции до создания лжекооперативов. В данной статье внимание акцентируется на должностных преступлениях, составлявших в период новой экономической политики значительную часть экономических преступлений, существенным образом влияя на экономику и социально – политическую обстановку в стране и заставляя государство сосредотачивать значительную часть своих усилий на борьбу с ней. При анализе проблемы мы исходим из двух основных исследовательских задач: с одной стороны, проанализировать соответствующие нормы Уголовного кодекса и наиболее часто встречающиеся виды должностных преступлений, выявить тенденции и причины тех или иных явлений, с другой, рассмотреть законодательные и административные государственные меры противодействия им и их эффективность.

Результаты исследования

УК РСФСР 1922г, а затем и УК РСФСР 1926г. должностные(служебные) преступления определял как особую категорию преступлений, совершенных должностными лицами, то есть теми, кто занимал постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, и имевших по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административ-

ных, просветительных и других общегосударственных задач[1]. Таким образом субъектом должностных преступлений являлось любое лицо, наделенное определенными властными полномочиями, представители власти, служащие с организационно-распорядительными полномочиями, сотрудники административно-хозяйственных структур. Закон определял широкий спектр должностных преступлений, от злоупотребления властью до служебного подлога[2]. Наиболее опасными с точки зрения причиняемого вреда материальным и хозяйственным интересам государства, и самыми распространенными преступлениями являлись злоупотребление властью в форме заключения невыгодных для государства договоров, присвоение должностным лицом денег или иных ценностей(растрата) и взяточничество.

Заключение за взятку очевидно невыгодных для государства договоров или сделок, являлось одной из самых воспроизводимых коррупционных схем в период нэпа и одной из самых тяжелых для государства по финансовым убыткам. Куйбышев В.В., председатель ЦКК (Центральная Контрольная Комиссия) на XIII съезде РКП(б)(май 1924г) озвучил ряд резонансных преступлений подобного характера, по которым в 1923 – 1924гг. прошли крупные судебные процессы. Среди них дело ГУМа, Богородско-Щелковского треста, дело Краснощекова и другие. Особенно громким было дело ГУМа. Созданный в декабре 1921г. ГУМ был призван обеспечить снабжение государственных предприятий и учреждений материалами, продуктами, изделиями, а также наладить розничную торговлю для населения и приносить доход государству, в результате заключения невыгодных для магазина и весьма выгодных для частных поставщиков договоров вместо прибыли получил серьезные финансовые потери в сотни тысяч рублей золотом и немалый моральный ущерб для государства. 14 подсудимых были приговорены к различным срокам лишения свободы и ссылки. Об огромных убытках в результате хищений и деятельности частного в качестве посредника при сбыте товаров государственных предприятий речь шла при рассмотрении дела о Богородско-Щелковском тресте хлопчатобумажных фабрик(правление располагалось в Москве). Работники треста продавали спекулянтам тысячи пудов пряжи со скидкой в 30%, а последние сбывали ее с большой прибылью. Убытки треста на суде были оценены в 5 млн рублей золотом. Нема-

лый резонанс вызвало и дело Краснощекова А., возглавлявшего Промбанк [18]. Особая резонансность дела обуславливалась тем, что это был первый случай после революции, когда был осужден по обвинению в должностных преступлениях видный большевик, занимавший ответственный государственный пост. Промбанк являлся крупным кредитором частных предпринимателей, которые использовали кредиты для расширения своей деятельности. Краснощевков обвинялся в выдаче брату Якову крупной суммы под выгодный процент для создания собственного дела и в использовании некоторых хозяйственных ресурсов (установил себе повышенную ставку) этого учреждения для личных потребностей и для разгульной, безобразной жизни [3]. Краснощевкова судили в марте 1924 года вместе с братом Яковом и четырьмя сотрудниками банка. Краснощевков был приговорён к шести годам тюремного заключения и исключён из партии, брата приговорили к трём годам лишения свободы, а остальные подсудимые — к различным срокам заключения. В деле Краснощекова много неясностей, на что указывается в ряде публикаций [4], но очевидно, что нэп диктовал поведение даже на верхнем уровне руководства.

Куйбышев В. В. называл и ряд других дел, которые попали в поле зрения ЦКК (дело Серпуховского треста, правления Консервтреста, акционерного общества «Кожсырьё», Богородского кожевенного треста и другие), признав в конечном итоге, что нет возможности перечислить все учреждения, руководители которых привлекались к уголовной и дисциплинарной ответственности за должностные преступления и нарушения, констатируя тем самым массовый их характер. Сама практика заключения невыгодных государству договоров квалифицировалась как экономическое сращивание государственного аппарата с частным капиталом, что представляло с точки зрения государства серьезную опасность для революции. Сращивание происходило в форме наличия тесных связей между руководителями государственных предприятий и государственных торговых органов с частником, например, использование частных торговцев и комиссионеров в качестве посредников. В некоторых регионах частные торговцы в качестве посредников выполняли 97% заготовок госорганами, получая на это крупные авансы. Вторая форма - преимущественная продажа госорганами товаров частным торговцу, тем самым создавая трудные условия деятельности, в частности, для кооперации. Крупные торговцы имели своих представителей в Москве и получали необходимые товары по первому требованию в отличие от кооперации, которая испытывала острый недостаток товаров. Данное обстоя-

тельство в немалой степени способствовало тому, что частный капитал к 1924г. занял господствующее, практически монопольное положение в розничной торговле, охватив 80–100% рынка розничной торговли, а в сельской местности частный капитал почти не имел конкурентов [5].

Должностная преступность к середине 1920-х гг. стала приобретать напряженный характер, угрожая подорвать усилия государства по ограничению частного капитала в противостоянии социализма и капитализма. Не случайно вскоре эта угроза в политическом и правовом смысле стала квалифицироваться как «экономическая контрреволюция». Понятие «экономическая контрреволюция» как правовая категория впервые вводится в Уголовный кодекс в 1923г. Статья 63 УК РСФСР определяла «экономическую контрреволюцию» как один из видов контрреволюционного преступления в виде «противодействия нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий или соответствующее использование их для разрушения и подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта, в целях совершения деяний, предусмотренных ст. 57 (экономическая контрреволюция)» [6]. УК РСФСР 1926г. оставил без изменений понятие «экономическая контрреволюция» (ст. 58.7.), но конкретизировал понятие должностное (служебное) преступление, отнеся к ним злоупотребление властью или служебным положением, которые привели к нарушению правильной работы учреждения или предприятия, причинили ему имущественный ущерб, нарушения охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан, если эти действия совершались из корыстных соображений и наказывалось лишением свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев [7]. В конце 1920-х начале 1930гг. правовая категория «экономическая контрреволюция» стала массово применяться в ходе судебных процессов над так называемыми вредителями.

Самой распространенной разновидностью должностных преступлений являлось присвоение должностным лицом денег или иных ценностей (растрата). Растраты составляли почти 70% осужденных за должностные преступления [8]. Растраты, иначе говоря хищения материальных и финансовых ценностей, с началом нэпа приобрели интенсивный и агрессивный характер. Субъектами преступлений являлись должностные лица различного уровня. Предметом растраты могло быть любое имущество, в чем бы оно ни состояло (деньги, товары, ценности и т.п.). Обогащение и получение средств для «светской» нэповской жизни было доминирующим мотивом для советских функционеров, стимулируя массовые хищения и растраты. Органы прокуратуры отме-

чали, что «в данном случае пьянка и растраты шли «рука об руку. Как правило, эти два явления были неразлучны, почти во всех случаях растратенные деньги использовались исключительно на пьянку, карты, разгульную жизнь»[9]

Резкое увеличение хищений отмечается уже в начале нэпа, которые поначалу носили характер прямых хищений продовольствия, материальных ценностей с государственных складов. Это и понятно, учитывая наступивший голод и всеобщую разруху, когда не хватало самого необходимого. Ущерб, наносимый государству, организациям, предприятиям достигал огромных размеров. По данным Наркомата юстиции по стране хищения, растраты и недоимки за 1924г. составили 2,29% общей суммы расходов государства. Но эти цифры не отражают истинных масштабов хищений и растрат, поскольку раскрываемость должностных преступлений не превышала 10%[10].

Беспрецедентное увеличение хищений и растрат вынудило в апреле 1925г. Генпрокурора Д.И. Курского решительно потребовать от судов не прекращать дела о растратах[11]. Категоричность требования обуславливалась высокой долей оправдательных и условных приговоров по делам о растратах. Причин было несколько. Во-первых, суды не могли в полной мере использовать статьи УК для наказания растратчиков. Партийные директивы ориентировали их на смягчение наказания в отношении членов партии и «своих» социальных слоев. Во-вторых, привлекаемые номенклатурщики пользовались, безусловно, своими связями для смягчения приговора. Имел место, конечно, и коррупционный фактор. Поэтому суды применяли часто к растратчикам краткосрочные сроки осуждения и условные сроки. Так, в Тамбовской губернии (1925-1926г.г.) 50,3% осужденных по делам о растратах, были приговорены к условным срокам, к лишению свободы до 1 года и к принудительным работам. Довольно частыми были оправдательные приговоры(15,6%) и просто не возбуждение дел по таким делам, что порождало безнаказанность и как следствие рецидивы[12]. В целом в масштабах государства примерно четверть расследованных дел не направлялась в суд, а прекращались, 19,8 % обвиняемых в растратах осуждалось условно. Больше половины осужденных получали наказание менее одного года лишения свободы, и лишь 20% осуждались на срок более одного года, а срок от пяти до 10 лет тюрьмы получали 2–3% осужденных губернскими судами и менее 1% — в народных судах[13].

Не изменилась ситуация и во второй половине 1920-х годов. В марте 1927г. выходит новое постановление НКЮ о борьбе с растратами. При-

чина очередного постановления - новый всплеск растрат, особенно в низовых организациях. Почти 30% всех растрат совершались в сельсоветах, 47% в кредитных кооперативах, 24% в потребительских обществах и кредитных товариществах. Раскрываемость же растрат внутриведомственными ревизиями составляла не более 4%. Среднее наказание растратчикам составляло 6 месяцев лишения свободы[14]. Как правило, судили «мелких сошек», растративших незначительные суммы (растрата не превышала 50 рублей). В то же время дела о растрате более 1000 рублей заканчивались нередко условным осуждением по мотивам пролетарского происхождения. В ЦЧО 59% осужденных за растраты приговаривались к кратким срокам лишения свободы, 12,8% к условным мерам социальной защиты, 18% к принудительным работам. Часто дела о растратах откладывались по 3 и более раз[15]. Таким образом ситуация с растратами в течение 1920-х гг. практически не менялась, она приобрела постоянный, системный характер, а меры, принимаемые государством, носили характер кампанейщины и их нельзя назвать системным подходом к решению проблемы.

Одной из самых существенных криминогенных проблем в 1920-е годы для государства являлась взяточничество. С началом нэпа коррупционное воздействие частного капитала на государственные органы и должностных лиц резко возросло. В теневые торговые и посреднические операции оказались вовлечены чиновники различных государственных ведомств, в том числе и «красные» директора, хозяйственные руководители различных рангов из числа членов партии. Проблема коррупции для новой власти возникла с первых месяцев ее существования, став постоянным фактором советской действительности. Первый декрет «О взяточничестве» был принят еще в мае 1918 г., в условиях же нэпа коррупция получила дополнительный импульс. Взяточничество стало будничной повседневностью, взятки сопровождали практически любое хозяйственное дело - отпуск товаров, сырья, ускорение получения грузов и прочее. Власть была вынуждена констатировать, что повсеместное взяточничество в полном смысле поразило госаппарат. В качестве главной причины называлось коррупционное воздействие частного капитала на руководителей разных рангов.

Взяточничество квалифицировалось УК 1922г. по двум статьям: 114(получение взятки) и 115(провокация взятки). Они предусматривали достаточно суровое наказание: по 114 статье лишение свободы до пяти лет с конфискацией имущества при отягчающих обстоятельствах (особые полномочия принявшего взятку, нарушения

обязанностей службы, вымогательство) вплоть до расстрела. УК 1926 г. квалифицировал взятку уже по трем статьям: 117(получение взятки); 118(дача взятки и посредничество); 119(провокация взятки). Ответственность за дачу взятки и посредничество усиливалась— до пяти лет лишения свободы. Одновременно с пяти лет до двух лишения свободы снижалось наказание за получение взятки. Квалифицированная взятка (с отягчающими обстоятельствами: наказывалась лишением свободы до 10 лет или расстрелом(В 1927г. высшая мера социальной защиты (расстрел) для взяточников была отменена) В отношении дел о взяточничестве предусматривалось сокращенное судопроизводство, для этого при каждом нарсуде создавались специальные камеры, в которых сосредотачивались все соответствующие дела. Если не было улик или их было мало, судам рекомендовалось использовать статью 49 УК, которая предусматривала запрещение проживания в определенной местности на срок до 3 лет.

Безусловно, самым активным субъектом коррупционных отношений в период нэпа являлся частный капитал, который путем коррупционного воздействия на должностных лиц пытался обеспечить свой хозяйственный интерес, а также гарантировать свою безопасность от уголовного преследования. Взятка сопровождала практически все хозяйственные действия, в 1920-е годы ее именовали «смазкой», то есть средством упрощения решения тех или иных проблем. Основными объектами коррупционного воздействия частника являлись должностные лица различных государственных органов и государственных предприятий, обладавшие административным ресурсом, имевшие доступ к материальным и финансовым средствам, и, следовательно, от которых зависело получение материальных и административных выгод, финорганы, от которых зависело снижение налогового бремени и получение кредита, и судебные органы, от которых ждали освобождения от уголовной ответственности. Устремления нэпманов находили отклик среди номенклатуры. Руководители всех уровней, стали активными участниками коррупционных действий, продавая свои услуги по продвижению интересов нэпманов.

Что заставляло чиновников идти на получение взятки? На низовом уровне в первую очередь плохое материальное положение. Оклады были нищенские, на содержание семьи явно недостаточные. На высшем и среднем управленческом уровне основная мотивация — стремление к обогащению, то есть стремление иметь в своем распоряжении средства для удовлетворения завышенных материальных потребностей, тем более что нэп такие возможности предоставлял. Хотя в

понимании и ценностях того времени этот слой номенклатуры был материально обеспеченным слоем. Ответственные работники наркоматов и руководители трестов и предприятий, получали так называемые спецставки. К общему числу чиновников число спецставок составляло 30%. Средний размер спецставок колебался от 200 до 500 руб., а в отдельных исключительных случаях, доходил до 1200–1500 руб. при средней зарплате меньше ста рублей[16]. Это конечно обеспечивало более высокий уровень жизни данной категории чиновников, но он был недостаточен для элитной жизни, поэтому шли на коррупционные преступления, порой переступая все мыслимые границы. 1920-е годы прошел ряд общественно резонансных дел о взяточничестве, закончившихся расстрельными приговорами. Они вышли за пределы обычного служебного преступления по причине огромного материального ущерба для государства и по причине их особой общественной опасности. Таковым, например стало «астраханское дело» (коррупция в финансовом и торговом государственном аппарате Астрахане), судебный процесс по которому происходил в Астрахани в августе — октябре 1929 г. Ущерб государству от недопоступления в государственный бюджет налогов оценивался в 5,5 млн рублей золотом. С точки зрения общественной опасности дело квалифицировалось как «сращивание» в Астрахани работников государственного аппарата с частными предпринимателями, а само преступление далеко вышло за пределы обычных должностных преступлений и является антигосударственной деятельностью, то есть являлось экономической контрреволюцией»[17]. Из привлеченных по делу 129 человек, 14 человек из числа чиновников и частников были приговорены к расстрелу (одному расстрел был заменен ВЦИК 10 годами лишения свободы). Не менее резонансным стали и другие коррупционные дела с расстрельными приговорами: процесс 1928г. над группой ответственных финработников г. Ленинграда, обвиненных во взяточничестве; дело о взяточничестве в Ленинградском торговом порту, дело сотрудников хлебного отдела Госбанка, группы ответственных работников НКПС и многие другие.

Закключение

Можно констатировать, что должностная преступность стала постоянным криминогенным фактором советской действительности в период нэпа, имея тенденцию к устойчивому росту. Усилия государства по противодействию ей оказались в целом малоэффективными, хотя объективная основа для более успешного противодействия существовали. Это, во — первых, наличие право-

вой основы в форме системы нормативно-правовых актов, обеспечивающих юридические условия для противодействия этой разновидности преступлений. Во – вторых, наличие волевых условий, имея в виду наличие государственной воли и решительности в борьбе с должностными преступлениями. Нельзя же сказать, что государство пустило на самотек этот процесс. Тогда неизбежно возникает вопрос: какие основные факторы препятствовали более эффективной решению этой проблемы? На наш взгляд их можно разделить на две основные группы: специальные, управленчески – криминогенные и общие, социально – политические факторы. К первым факторам мы относим отсутствие системного подхода в противодействии должностной преступности, государственное противодействие носило ситуативный, кампанийский характер, обострялась ситуация или какие – либо факты попадали в поле зрения высшего руководства, следовали управленческие решения об усилении борьбы, начиналась очередная кампания. Спадал волевой импульс, пропадал интерес, все затихало.

В значительной мере мешал более эффективной государственной политике в этой сфере и такой неоднозначный с правовой точки зрения фактор как наличие правовых льгот для партийной номенклатуры, позволявшие им уходить от наказания. В 1920- гг. действовал целый ряд партийных директив, суть которых заключалась в особом порядке привлечения к судебной ответственности ответственных работников – коммунистов. Цель – свести до минимума количество привлекаемых к уголовной ответственности руководителей различных рангов, сохранить остро недостающие партийные кадры (См. подробнее: Никулин В.В. Двойной стандарт: партийцы и закон в 1920-е годы. //История государства и права. 2009. № 20). Это в значительной степени ограничивало возможности судов использовать нормы УК РСФСР для наказания провинившихся чиновников. Как следствие значительное число краткосрочных сроков осуждения, условные сроки и прекращение уголовных дел, в конечном итоге безнаказанность и рецидивы должностных преступлений.

Корыстная мотивация чиновников , безусловно, обуславливалась и социально экономическим фактором. В разрушенной стране, в условиях нестабильной экономической ситуации, нарушенной системой снабжения населения, обнищавшим населением, в том числе и чиновничества, особенно мелкого, с их минимальными должностными ставками, позволявшие только существовать на минимальном уровне, не могли не стимулировать казнокрадство и взяточничество в массовом масштабе. В достаточной сте-

пени присутствовала в обществе социально-психологическая обстановка приемлемости «навара».

В 1920-е годы должностная преступность как криминогенное явление оказалась непобежденным явлением российской действительности. В течение 20-х годов так и не удалось справиться ни с одной из проблем возникших или уже существовавших до нэпа преступных должностных проблем: взяточничество, растраты, хищения и т.д. И только с окончательным сломом нэпа этот вид преступлений пошел на спад, поскольку существенно сузилось сфера частной экономической деятельности и, следовательно, и с узились возможности влияния частного капитала на государственные структуры.

Список литературы:

- [1] УК РСФСР 1922г. Ст. 105; УК РСФСР 1926г. («:г. Ст. 108.
- [2] УК РСФСР 1922г. Ст. 105–118; УК РСФСР 1926г. Ст. 108–121
- [3]Тринадцатый съезд РКП(б) Стенографический отчет. 23—31 мая 1924 г. Издательство «Красная новь». М., 1924. С. 298.
- [4] Мухачёв Б,И. Дело Краснощёкова // Россия и АТР. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/>
- [5] Обзор политэкономического состояния СССР за июнь 1924 г.// Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node>.
- [6]Об изменениях и дополнениях Уголовного Кодекса РСФСР: Постановление ВЦИК от 10.07.1923//Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/>.
- [7]УК РСФСР 1926г. Ст. 109.
- [8] Герцензон А.А. Борьба с преступностью в РСФСР. По материалам обследования НК РКИ СССР. М., 1928. С. 38–39
- [9] Государственный архив Тамбовской области(ГАТО). Ф. Р. – 5201 Оп.1. Д.837. Л.80.
- [10] ГАТО. Ф. Р. – 5201 Оп.1. Д.909. Л.18.
- [11] ГАТО. Ф. Р.- 655. Оп.1. Д. 20. Л. 193.
- [12] ГАТО. Ф. Р. – 524. Оп. 1. Д. 543. Л. 3.
- [13] Краковский К.П. Уголовная ответственность советских государственных служащих за должностные преступления (1920-е гг.)// правовые проблемы борьбы с преступностью труды института государства и права ран. 2020. том 15. № 5. С. 177.
- [14] ГАТО. Ф. Р. – 530. Оп.1. Д. 55. Л. 131.
- [15]ГАТО. Ф. Р. – 527. Оп.1. Д. 9. Л. 246.
- [16] Тринадцатый съезд РКП(б) Стенографический отчет. 23—31 мая 1924 г. Издательство «Красная новь». М., 1924. С. 298.
- [17] Астраханское дело. Астраханщина. 1928 год. // URL: UCRAZ.RU.

[18] Краснощёков Александр Михайлович (Краснощёк Абрам Моисеевич). 1880–1937. Советский политический деятель, первый руководитель Дальневосточной республики. 25 ноября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к смертной казни. Посмертно реабилитирован в 1956 году,

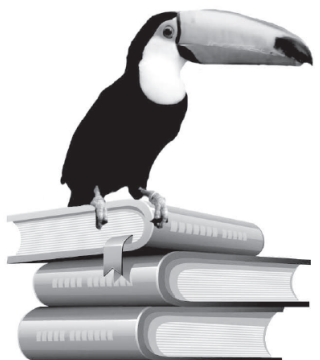
References:

- [1] Criminal Code of the RSFSR 1922. Art. 105; Criminal Code of the RSFSR 1926 (Article 108).
[2] Criminal Code of the RSFSR of 1922. Articles 105–118; Criminal Code of the RSFSR of 1926. Articles 108–121
[3] Thirteenth Congress of the RCP(b). Verbatim Report. May 23–31, 1924. Krasnaya Nov' Publishing House. Moscow, 1924. Page 298.
[4] Mukhachev B.I. The Krasnoshchekov Case // Russia and the Asia-Pacific Region. 2022. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/>
[5] Review of the Political and Economic State of the USSR for June 1924 // Historical Materials. URL: <https://istmat.org/node>.
[6] On Amendments and Additions to the Criminal Code of the RSFSR: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 10.07.1923//Electronic Library of Historical Documents. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/>.
[7] Criminal Code of the RSFSR of 1926. Art. 109.

[8] Gertsenzon A.A. The Fight against Crime in the RSFSR. Based on the Survey Materials of the People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspection of the USSR. Moscow, 1928. Pp. 38–39

- [9] State Archives of Tambov Oblast (GATO). F. R. – 5201 Op. 1. D. 837. L. 80.
[10] GATO. F. R. – 5201 Op. 1. D. 909. L. 18.
[11] GATO. F. R. – 655. Op. 1. D. 20. L. 193.
[12] GATO. F. R. – 524. Op. 1. D. 543. L. 3.
[13] Krakovsky K.P. Criminal Liability of Soviet Civil Servants for Official Crimes (1920s) // Legal Problems of Combating Crime, Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 15. No. 5. P. 177.
[14] GATO. F. R. – 530. Op. 1. D. 55. L. 131.
[15] GATO. F. R. – 527. Op. 1. D. 9. L. 246.
[16] Thirteenth Congress of the RCP(b). Verbatim Report. May 23–31, 1924. Krasnaya Nov Publishing House. Moscow, 1924. P. 298.
[17] The Astrakhan Affair. Astrakhan Region. 1928. // URL: UCRAZ.RU.
[18] Krasnoshchekov Alexander Mikhailovich (Krasnoshchek Abram Moiseevich). 1880–1937. Soviet politician, first leader of the Far Eastern Republic. November 25, 1937 by the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR. sentenced to death. Posthumously rehabilitated in 1956.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.